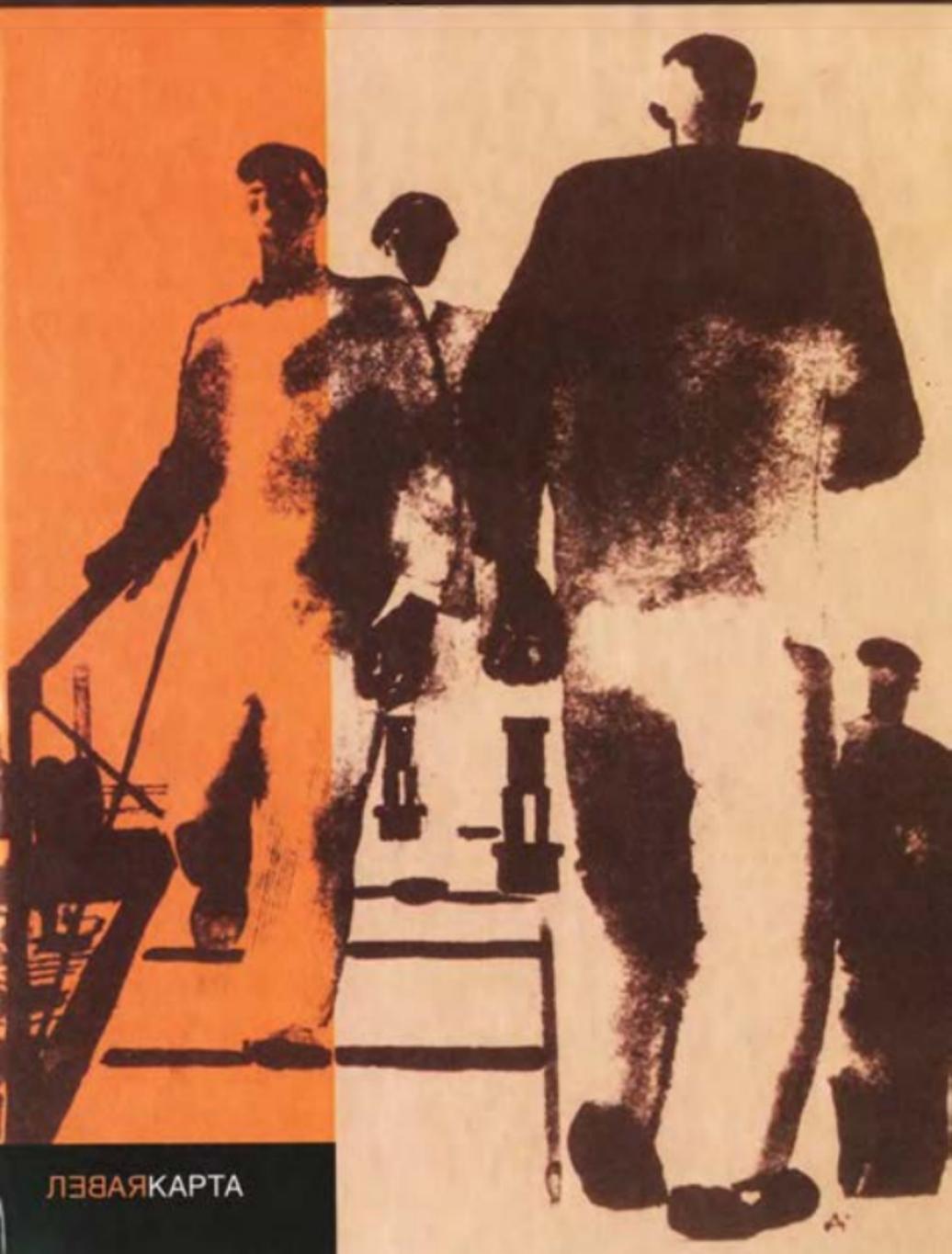

Георг Лукач

История и классовое сознание

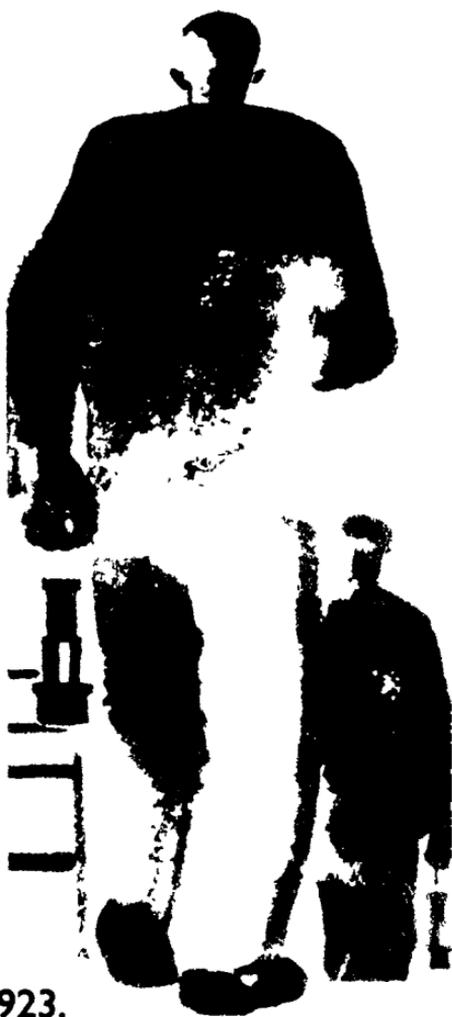
ЛЕВЯКАРТА

Georg Lukacs

Geschichte und Klassenbewusstsein

Studien

ueber marxistische Dialektik

Der Malik Verlag / Berlin, 1923.

Георг Лукач

История и классовое сознание

Исследования
по марксистской диалектике

перевод с немецкого
Сергея Земляного

Москва 2003

 Logosaltera

ЛЕВАЯКАРТА

ББК 87.3
УДК 316
Л 84

Перевод с немецкого –
С.Н. Земляного

Художественное оформление –
А. Эльконин

Издание осуществлено под эгидой
Института проблем глобализации

Лукач, Георг

Л 84 История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике. Пер. с нем. / Перевод, предисловие С.Н. Земляного. М.: «Логос-Альтера», 2003. – 416 с.

ISBN 5-98378-002-6

ББК 87.3

- © G. Lukács. Geschichte und Klassenbewusstsein. Studien ueber marxistische Dialektik. Der Malik Verlag/Berlin, 1923.
- © «Логос-Альтера». Москва, 2003.
- © Перевод с нем., предисловие: С.Н. Земляной, 2003.
- © Художественное оформление серии : А. Эльконин, 2003.

СОДЕРЖАНИЕ

- 7 *Сергей Земляной. История, сознание, диалектика. Философско-политическая мысль молодого Лукача в контекстах XXI века*
- Георг Лукач. История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике*
- 70 Предисловие (1967)
- 98 Предисловие (1922)
- 104 Что такое ортодоксальный марксизм?
- 128 Роза Люксембург как марксист
- 145 Классовое сознание
- 179 Овеществление и сознание пролетариата
1. Феномен овеществления 180
2. Антиномии буржуазного сознания 204
3. Точка зрения пролетариата 236
- 303 Изменение функций исторического материализма
- 332 Легальность и нелегальность
- 346 Критические заметки к брошюре
 Розы Люксембург «Русская революция»
- 365 Методологические заметки к вопросу об организации

КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ К БРОШЮРЕ РОЗЫ ЛЮКСЕМБУРГ «РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»¹

Пауль Леви возымел желание издать брошюру товарища Розы Люксембург, набросанную ею в бреславльской тюрьме и оставшуюся незаконченной. Это издание предпринято в обстановке ожесточенной борьбы с Коммунистической партией Германии и III Интернационалом; оно является одним из этапов этой борьбы – точно так же, как разоблачения в «Vorwaerts», как брошюра Фрислянда; оно лишь служит иным, более глубоким целям. На этот раз имелось в виду поколебать уже не только авторитет КПГ, доверие к политике III Интернационала, а и теоретические основы большевистской организации и тактики.

Высокий авторитет Розы Люксембург ставился на службу этому делу. Из ее наследия предполагалось почерпнуть теорию ликвидации III Интернационала и его секций. Поэтому недостаточно указать на то, что Роза Люксембург позже изменила свои воззрения. Главное в том, чтобы выяснить, в какой мере она была права – или не права. Ибо, говоря абстрактно, вполне можно себе представить, что в первые месяцы революции взгляды Розы Люксембург получили

бы дальнейшее развитие в ложном направлении, что отмеченное товарищами Варским и Цеткин изменение в ее взглядах вылилось бы в ложную тенденцию. Поэтому следует прежде всего разобраться с самими этими взглядами, независимо от того, какую позицию Роза Люксембург заняла позже по отношению к изложенным в брошюре идеям. Тем более, что некоторые из помянутых в ней разногласий между Розой Люксембург и большевиками выявилось уже в «Брошюре Юниуса» и критике ее Лениным, да, собственно, уже в критике Розой Люксембург ленинской книги «Шаг вперед, два шага назад», в ее статье, опубликованной в 1904 году еженедельником «Neue Zeit», отчасти они играли роль даже в период создания программы «Спартак».

1.

Стало быть, главное – в сущностном содержании брошюры. Но и здесь принцип, метод, теоретическая основа, общая оценка характера революции, которой в конечном счете обусловлена ее точка зрения по отдельным вопросам, являются более важными, чем сама позиция Розы Люксембург по отдельным проблемам русской революции. Последние большей частью уже разрешены за прошедшее с той поры время. Даже Леви признает это применительно к аграрному вопросу. Тут, следовательно, уже больше нет нужды ни в какой полемике. Следует лишь раскрыть методологический пункт, позволяющий нам на целый шаг ближе подойти к центральной проблеме размышлений Розы Люксембург: *ложную оценку характера пролетарской революции*. Роза Люксембург подчеркивает: «Социалистическое правительство, придя к власти, должно, во всяком случае, сделать одно: взяться за осуществление мер, ведущих к созданию соответствующих основополагающих предпосылок последующей социалистической реформы аграрных отношений; по крайней мере оно должно избегать всего, что могло бы стать преградой на пути к этим мерам» (S. 84). И она порицает Ленина и большевиков, которые, по ее мнению, этого не сделали и даже сделали нечто противоположное этому. Если бы данная точка зрения представляла собой некую частность, то можно было бы сослаться на то, что товарищ Роза Люксембург, как почти каждый в 1918-м году, была недостаточно осведомлена о действительных событиях в России. Но когда мы рассматриваем такое порицание в целостной взаимосвязи ее рассуждений, мы тотчас же убеждаемся, что она существенным образом преувеличивает ту фактическую власть, которой располагали большевики для урегулирования в той или иной форме аграрного вопроса. Аграрная революция была фактической данностью, совершенно независимой от воли большевиков и даже от воли пролетариата. Крестьяне, элементарно выражая свои классовые интересы, при любых обстоятельствах осуществили бы раздел земли. И если бы большевики сопротивлялись этому элементарному движению, оно смело бы их точно так же, как оно смело меньшевиков и эсеров. Правильная постановка аграрного вопроса состоит не в выяснении того, была ли аграрная реформа большевиков социалистической.

тической или по крайней мере ведущей к социализму мерой. Она состоит в выяснении того, удалось ли в тогдашней ситуации, когда революция в своем восходящем движении устремлялась к решающему пункту, сплотить все стихийные силы разлагающегося буржуазного общества против организующей контрреволюции буржуазии. (Независимо от того, «чисто» пролетарскими они были или же мелкобуржуазными, двигались они или нет в направлении социализма). Ведь нужно было определить отношение к элементарному крестьянскому движению, целью которого был раздел земли. И такое отношение могло быть лишь ясным и однозначным «да» или «нет». Надо было либо стать во главе этого движения, либо подавить его вооруженной силой. В последнем случае большевики непременно стали бы заложниками своего неизбежного союзника, буржуазии, как это фактически и случилось с меньшевиками и эсерами. *В тот момент нечего было и думать о постепенном «перевод» этого движения «в русло социализма».* Это можно и нужно было попытаться сделать позже. Здесь неуместно обсуждать, в какой мере эти попытки действительно потерпели неудачу (на мой взгляд, дело еще далеко нельзя считать разрешенным; бывают «неудавшиеся» попытки, которые тем не менее впоследствии оказываются плодотворными) и каковы были причины их неудач. Ибо здесь рассматривается решение большевиков, принятое *в момент завоевания власти.* И тут следует заметить, что большевикам вообще не приходилось выбирать между аграрной реформой, которая ведет к социализму, и аграрной реформой, которая ведет в сторону от него; дилемма состояла лишь в том, *мобилизовывать ли на пролетарскую революцию разбуженную энергию стихийного крестьянского восстания либо, противопоставляя себя ему, безнадежно изолировать пролетариат, способствовать победе контрреволюции.*

Роза Люксембург тоже признает это без обиняков: «Как политическая мера для укрепления пролетарско-социалистического правительства это была превосходная тактика. Но, к великому сожалению, у нее были две стороны, и обратная заключалась в том, что непосредственный захват земли крестьянами по преимуществу не имел ничего общего с социалистической экономикой» (S. 82). И если она, несмотря на это, к правильной оценке *политической тактики* большевиков присовокупляет свое порицание их способа действий в *социально-экономической области*, то уже в этом проявляется существо ее оценки русской пролетарской революции. В этом проявляется гипертрофирование чисто пролетарского характера революции, то есть *гипертрофирование* как внешнего могущества, так и внутренней ясности и зрелости, какими пролетарский класс может обладать и фактически обладал в первой фазе революции. Обратной стороной такого гипертрофирования оказывается одновременная недооценка значения непролетарских элементов в революции. А именно: как недооценка непролетарских элементов *внутри* класса, так и недооценка влияния непролетарских идеологий в *среде* самого пролетариата. И это ложное суждение относительно подлинных движущих сил революции подводит к решающему пункту ее ложной установки: к недооценке роли партии в револю-

ции, к недооценке значения сознательной политической деятельности в сравнении с элементарным движением, следующим необходимости экономического развития.

2.

Это заострение внимания на принципиальных вопросах может показаться здесь некоторым читателям все-таки несколько чрезмерным. Дабы более отчетливо показать правоту такого подхода по существу, мы должны опять вернуться к отдельным проблемам, поставленным в брошюре. Позиция Розы Люксембург по национальному вопросу в русской революции восходит к критической полемике времен войны, к «Брошюре Юниуса» и ее критике Лениным. Тезис, против которого Ленин всегда выступал с особым упорством (и не только в связи с «Брошурой Юниуса», где этот тезис, правда, нашел свое наиболее ясное и яркое выражение) гласит: «В эру этого разнузданного империализма вообще не может быть никаких национальных войн»². Наверное, может показаться, что мы имеем здесь дело с чисто теоретическим разногласием. Ведь между Юниусом и Лениным имело место полнейшее единодушие относительно империалистического характера мировой войны. Они были согласны также в том, что даже те частные моменты войны, которые при изолированном их рассмотрении выступали бы как национальные войны, в силу их взаимосвязи с совокупным империалистическим комплексом должны расцениваться как вполне империалистическое явление (в этой связи достаточно упомянуть Сербию и правильное поведение сербских товарищей). Но в содержательно-практическом плане здесь тотчас же возникают вопросы величайшего значения. Во-первых, хотя и не вероятно, но и не исключено такое развитие событий, при котором национальные войны вновь станут возможными. От темпов перехода из фазы империалистической войны к фазе войны гражданской зависит, будут ли события развиваться именно так. Так что неверно было бы придавать идее империалистического характера современности такую обобщенность, чтобы при этом совершенно отрицать возможность национальных войн. Ведь из-за этого политик-социалист может попасть в такое положение, когда (храня верность принципам) он станет действовать как реакционер. Во-вторых, восстания колониальных и полуколониальных народов неизбежно должны превратиться в национальные войны, которые непременно обязаны поддерживать революционные партии, поскольку безразличие по отношению к ним было бы на руку контрреволюции. (Позиция Серрати по вопросу о Кемале). В-третьих, нельзя забывать о том, что не только среди мелкобуржуазных слоев (чье поведение при известных обстоятельствах может быть весьма благоприятным для революции), но также в среде самого пролетариата, в особенности пролетариата угнетенных наций, остаются живучими националистические идеологии. И их восприимчивость к подлинному интернационализму может быть пробуждена

не мыслительно-утопическим предвосхищением будущего социалистического общества, в котором больше не будет национального вопроса, а лишь *практическим доказательством того, что победоносный пролетариат угнетающей нации порвал с угнетательской тенденцией империализма до самого конца, до признания полного права нации на самоопределение «вплоть до государственного отделения»*. Впрочем, у пролетариата угнетенных народов этот лозунг должен дополняться лозунгом сплочения, федерации. Но лишь оба эти лозунга вместе способны помочь пролетариату, который лишь в силу факта своей победы еще не преодолел свою одурманенность капиталистически-националистическими идеологиями, выйти из идеологического кризиса переходного периода. Политика большевиков в этом вопросе, несмотря на неудачи 1918 года, оказалась правильной. Ибо и без лозунга о праве нации на самоопределение Советская Россия после Брест-Литовска утратила бы пограничные области и Украину. Но без этой политики она не приобрела бы вновь ни Украины, ни кавказских республик и т.д.

Критика Розы Люксембург здесь опровергнута самой историей. И нам не стоило бы столь подробно заниматься этим вопросом, теорию которого Ленин уже опроверг своей критикой «Брошюры Юниуса» (см. «Против течения»), если бы в этой теории не проявилось то же самое понимание характера пролетарской революции, что и уже проанализированное нами применительно к аграрному вопросу. Роза Люксембург и тут не замечает судьбоносного выбора между необходимостями, не являющимися «чисто» социалистическими, перед которыми с самого начала поставлена пролетарская революция. Она не замечает необходимости мобилизации революционной партией пролетариата всех (в данный момент наличных) революционных сил, чтобы ясно и как можно более мощно (на тот момент, когда происходит соизмерение сил) противопоставить контрреволюции фронт революции. Она всегда сопоставляет требования дня с принципами предстоящих стадий революции. Эта установка составляет основу решающих, в конечном счете, рассуждений в брошюре Р. Люксембург: о насилии и демократии, о системе Советов и партии. Речь идет, стало быть, о том, чтобы распознать истинную суть этих воззрений.

3.

Роза Люксембург в этой работе присоединяется к тем, кто самым решительным образом порицает разгон Учредительного собрания, учреждение системы Советов, лишение буржуазии гражданских прав, недостаток «свободы», применение террора и т.д. Перед нами теперь стоит задача показать, какие основополагающие теоретические установки Роза Люксембург, – а она всегда была непревзойденным трибуном, незабываемым учителем и вождем революционного марксизма, – поставили ее в такую резкую противоположность к революционной политике большевиков. Я уже отметил наиболее важные моменты при обсуждении положения дел. Теперь надо сделать дальнейший шаг в разбо-

ре произведения Розы Люксембург, чтобы определить тот пункт, из которого последовательно проистекают эти воззрения.

Это – преувеличенное органичного характера исторического развития. Роза Люксембург в полемике с Бернштейном метко показала несостоятельность тезиса о мирном «врастании в социализм». Она убедительно раскрыла диалектический ход развития, постепенное обострение внутренних противоречий капиталистической системы, и не только экономических, но также противоречий между экономикой и политикой. В одной из ее работ содержится такая ясная формулировка: «Производственные отношения капиталистического общества все больше приближаются к производственным отношениям социалистического, а его политические и правовые отношения, напротив, возводят между капиталистическим и социалистическим обществом все более высокую стену»³. Тем самым отмечена необходимость насильственного, революционного изменения, исходящего из тенденций развития общества. Впрочем, уже здесь в скрытом виде содержится зародыш той точки зрения, что революции нужно лишь убрать с пути экономического развития «политические» помехи. Правда, здесь с такой силой выявлены диалектические противоречия капиталистического производства, что – в этой взаимосвязи – едва ли можно прийти к подобным выводам. Роза Люксембург не оспаривает необходимости насилия вообще также применительно к русской революции. «Предпосылкой социализма, – говорит она, – является ряд насильственных мер, направленных против собственности и т.д.» (S. 110). Это позже признается также в программе «Спартак»: «Насилию буржуазной контрреволюции надо противопоставить революционные силы пролетариата»⁴.

Тем не менее это признание роли насилия относится лишь к негативному, к устранению препятствий, а отнюдь не к самому социальному созиданию. Его, согласно Розе Люксембург, нельзя «октроировать, ввести путем указов». Роза Люксембург заявляет: «Социалистическая общественная система может и должна быть лишь историческим продуктом, порождаемым извлекаемыми из собственного опыта уроками; подобно органической природе, частью которой она в конечном счете является, она имеет прекрасное обыкновение вместе с реальной общественной потребностью всегда создавать также средства для ее удовлетворения, вместе с задачей – одновременно и ее решение».

Я не хотел бы задерживаться здесь на странно недиалектическом характере этого хода мысли в иных случаях столь великого диалектика, как Роза Люксембург. Замечу мимоходом, что косвенное противопоставление, механическое разделение «позитивного» и «негативного», «низвержения» и «созидания» прямо противоречит фактическому содержанию революции. Ибо в революционных действиях пролетарского государства, особенно непосредственно после захвата власти, невозможно не только понятийно отделить (не говоря уже о том, чтобы практически отличить) «позитивное» от «негативного». В экономической борьбе классов совпадают, особенно в начале революции, борьба с буржуазией, изъятие из ее рук власти – с первыми шагами в органи-

зации экономики. Само собой разумеется, что позже нужно будет вносить коррективы в первые попытки. Так или иначе, но в последующем организационные формы будут сохранять этот «негативный» боевой характер, эту тенденцию к низвержению и подавлению, откуда продолжается классовая борьба, то есть довольно долго. Даже если экономические формы предстоящих победоносных пролетарских революций в Европе станут серьезно отличаться от российских, все же представляется весьма невероятным, что можно будет полностью и во всех отношениях перескочить через этап «военного коммунизма» (к которому относится критика Розы Люксембург).

Но еще более важным, чем эта историческая сторона процитированного нами высказывания, является раскрывающийся в нем метод. Тут выходит на поверхность именно та тенденция, которую, наверное, наиболее четко можно обозначить формулой: *идеологическое вращение в социализм*. Я знаю, что Роза Люксембург была одной из первых среди тех, кто обратил внимание на противоположную сторону вопроса, на кризисный, богатый попятными движениями переход от капитализма к социализму⁵. И если я тем не менее говорю о подобной тенденции, то, разумеется, не имею в виду какого-то оппортунизма; я не считаю, будто Роза Люксембург представляла себе революцию таким образом: экономическое развитие-де доводит пролетариат до того, что он, обретя достаточную идеологическую зрелость, должен лишь снять плоды с дерева этого развития и применяет насиле фактически лишь для устранения «политических» помех. Для Розы Люксембург было совершенно ясно, что революционные периоды будут сопровождаться неизбежными попятными движениями, поправками, ошибками; присущая ей тенденция к преувеличению органического элемента в развитии проявляется только в догматическом убеждении, что «вместе с действительной общественной потребностью всегда создаются также средства для ее удовлетворения, вместе с задачей – одновременно и ее решение».

Это *гипертрофирование спонтанных, элементарных сил революции* и особенно – в лице исторически признанного к руководству ею класса определяет ее позицию по отношению к Учредительному собранию. Она упрекает Ленина и Троцкого в «схематичной, жесткой точке зрения» (S. 100-101), поскольку они, исходя из состава Учредительного собрания, сделали вывод о его непригодности для выполнения роли органа пролетарской революции. Она восклицает: «Как резко противоречит этому весь исторический опыт! Он показывает нам, напротив, что живые флюиды настроения народа постоянно омывают представительные учреждения, проникают в них, управляют ими» (S. 101). Действительно, несколько раньше (S. 78-79) она ссылается на опыт английской и французской революции в связи с вопросом об изменении парламентских учреждений. Факты констатированы совершенно правильно. Но только Роза Люксембург недостаточно четко акцентирует то, что эти «изменения» по своей сути были чертовски сходны с разгоном Учредительного собрания. Революционные организации наиболее передовых тогда элементов революции («солдатские советы» в английской армии, парижские секции и т.д.) как

раз постоянно удаляли насильственным образом из парламентских органов тормозящие их развитие элементы и изменяли их в соответствии с этапом революции. Подобные преобразования в буржуазной революции по большей части возможны лишь как подвижки внутри боевого органа буржуазного класса, внутри парламента. Причем весьма знаменательно то, что воздействие внепарламентских (полупарламентских) элементов в период Великой французской революции сильно растет по сравнению с английской. Русская революция 1917 года, через этапы 1871 и 1905 годов, ведет к переходу этих количественных приращений в новое качество. Советы, организации наиболее передовых и сознательных элементов революции, уже больше не довольствовались «очищением» Учредительного собрания от всех прочих партий, помимо большевиков и левых эсеров (против чего Роза Люксембург, исходя из ее собственных анализов, не вправе возражать), а поставили сами себя на его место. Из пролетарских и полупролетарских органов контроля и подталкивания буржуазной революции они стали правящими боевыми организациями победоносного пролетариата.

4.

Этот «скачок» самым решительным образом отказывается совершить Роза Люксембург. А именно не только потому, что она весьма недооценивает внезапность, насильственность, «неорганичность» характера всех прежних изменений парламентских учреждений, а потому, что она не признает форму Советов в качестве правящей боевой формы переходного периода, в качестве боевой формы для завоевания и насаждения социализма. Она, напротив, усматривает в Советах «надстройку», присущую той эпохе социально-экономического развития, когда уже большей частью осуществлены изменения в духе социализма. «Это – нелепость, которая избирательное право квалифицирует как оторванный от социальной действительности, утопический продукт фантазии. И именно потому оно не может быть серьезным инструментом пролетарской диктатуры. Анахронизм, предвосхищение правового положения, уместного при уже сложившемся социалистическом экономическом базисе, но не в переходный период пролетарской диктатуры» (S. 106). Здесь Роза Люксембург, с присущей ей даже тогда, когда она придерживается ложного взгляда, неизменной безбоязненной последовательностью в мышлении затрагивает один из важнейших вопросов теоретической оценки переходного периода. Речь идет о той роли, которая выпадает государству (Советам как государственной форме победоносного пролетариата) в социально-экономических преобразованиях общества. Сводится ли здесь дело лишь к тому, что пролетарское государство, пролетарское право и т.д. задним числом санкционируют и охраняют состояние общества, созданное действующими без участия сознания, в лучшем случае лишь отражающимися в «ложном» сознании экономическими движущими силами? Или же дело состоит в том, что этой организационной форме пролетариата сознательно отводится определяющая функция в экономическом строительстве

переходного периода? Конечно, сохраняет свою неограниченную значимость положение Маркса из «Критики Готской программы», что «право никогда не может быть выше, чем экономический строй» общества⁶. Но отсюда не следует, что *социальная функция пролетарского государства*, а вместе с тем и его положение в совокупной системе пролетарского общества, являются теми же самыми, что *функция и положение буржуазного государства в буржуазном обществе*. Энгельс в одном из писем к Конраду Шмидту определяет эти функцию и положение по существу через отрицание. Государство может способствовать происходящему экономическому развитию, может ему противодействовать или ставить ему в определенных направлениях преграды и толкать в других направлениях. «Однако ясно, – добавляет он, – что во втором и третьем случаях политическая власть может причинить экономическому развитию величайший вред и может вызвать растрату сил и материала в массовом количестве»⁷. Стало быть, встает вопрос: выполняет ли пролетарское государство ту же самую экономическую и социально-экономическую функцию, что и государство буржуазное? То есть, способно ли оно, в благоприятном случае, лишь ускорить или затормозить независимо от него (*то есть целиком первичное по отношению к нему*) экономическое развитие? Понятно, что ответ на возражения Розы Люксембург большевикам зависит от ответа на этот вопрос. Если он будет утвердительным, то права Роза Люксембург: пролетарское государство (советская система) может возникнуть лишь как идеологическая «надстройка» *после и вследствие уже свершившегося социально-экономического переворота*.

Но положение дел выглядит совершенно по-другому, если мы видим функцию пролетарского государства в закладывании основ социалистической, то есть сознательной, организации экономики. И не в том суть, что кто-то (и менее всего – РКП(б)) верит, что социализм можно попросту «декретировать». Основы капиталистического способа производства, а вместе с ними и неукоснительно осуществляющаяся «естественно-историческая необходимость», отнюдь не устраняются фактом захвата власти пролетариатом и даже институциональным осуществлением сколь угодно глубокой социализации средств производства. Но их устранение, их замену сознательно организованным социалистическим способом производства следует понимать не только как длительный процесс, а скорее как сознательную упорную борьбу. Надо шаг за шагом отвыкать пространство у этой «необходимости». Всякая переоценка зрелости отношений, власти пролетариата, всякая недооценка мощи противостоящих сил жестоко мстит за себя в форме кризисов, отступлений, экономических процессов, которые неизбежно отбрасывают развитие к его исходному пункту. Но отсюда следует, что точно так же было неправильно из уяснения того, что власти пролетариата, возможности сознательно регулировать экономическую систему положены определенные, часто очень узкие границы, делать вывод, что социалистическая «экономика» возникает как бы сама собой, то есть – как при капитализме, – благодаря слепой закономерности ее движущих сил. «Энгельс вовсе не полагает, – пишет Ленин, интерпретируя его письмо к Каутскому от 12

сентября 1882 года, – чтобы «экономическое» само собою и непосредственно уладило все трудности... Приспособление политики к экономике произойдет неизбежно, но не сразу и не гладко, не просто, не непосредственно»⁸. Сознательное, организованное регулирование экономической системы может быть осуществлено только сознательным образом, а институтом его осуществления как раз и является пролетарское государство, Советская власть. Советы, стало быть, на самом деле представляют собой «предвосхищение правового положения» на более поздней стадии классового расслоения; но Советы – это не пустая, повисшая в воздухе утопия; напротив, это *единственное средство когда-то действительно воплотить в жизнь это предвосхищенное положение*. «Сам собою», движимый естественной закономерностью экономического развития социализм никогда не станет реальностью. Естественная закономерность капитализма, правда, неизбежно ведет его к последнему кризису, но финалом его пути было бы уничтожение всей цивилизации, новое варварство.

В этом-то как раз и заключается глубочайшее различие между буржуазными и пролетарскими революциями. Сущность буржуазных революций с их блистательным напором в социальном плане определяется тем, что *они подводят политические, государственные, правовые и т.д. итоги уже весьма продвинутого социально-экономического развития и делают это в обществе, где феодально-абсолютистская структура уже глубочайшим образом подточена получившим мощное развитие капитализмом*. Однако действительно революционным элементом является экономическое преобразование феодального способа производства в капиталистический; так что теоретически вполне можно было бы представить себе, что это развитие свершается *без буржуазной революции*, без политического преобразования, проводимого революционной буржуазией; а то в феодально-абсолютистской надстройке, что не упраздняется революциями «сверху», рушится «само собой» в эпоху получившего уже полное развитие капитализма. (Развитие Германии отчасти соответствует этой схеме).

Впрочем, пролетарская революция тоже была бы немислима, если бы ее экономические предпосылки и условия не создавались уже в лоне капиталистического общества развитием капиталистического производства. Колоссальное различие между двумя типами развития заключается, однако, в том, что *капитализм как экономическая система развивался уже внутри феодализма, разлагая последний*. В то время как фантастической утопией было представление, что внутри капитализма могло бы возникнуть еще и нечто другое, ведущее к социализму, помимо, с одной стороны, объективных предпосылок его возможности, которые, однако, могут быть преобразованы в элементы действительно социалистического способа производства только после свержения, вследствие свержения капитализма, а, с другой стороны, – развития пролетариата как класса. Достаточно вспомнить о процессе развития, который претерпела мануфактура и капиталистическая система аренды уже тогда, когда существовали феодальные общественные порядки. Здесь и в самом деле надо было

только убрать правовые ограничения с пути их свободного развития. Напротив, хотя концентрация капитала в картелях, трестах и т.д. и образует неотъемлемую предпосылку преобразования капиталистического способа производства в социалистический, но при этом даже самая высокоразвитая капиталистическая концентрация будет также экономически качественно отличаться от социалистической организации и не сможет ни превратиться в нее «сама собой», ни трансформироваться в нее «правовым путем», в рамках капиталистического общества. Достаточно ясным доказательством чему является трагикомический провал всех «попыток социализации» в Германии и Австрии.

Этому коренному различию нисколько не противоречит то, что после свержения капитализма происходит *длительный и болезненный процесс*, ведущий в этом направлении. Напротив. Мы мыслили бы совершенно не диалектически, не исторически, если бы отправляясь от констатации того, что социализм можно осуществить лишь путем *сознательного преобразования всего общества*, выдвинули требование осуществить такое преобразование одним ударом, а не постепенно. Этот процесс, однако, *качественно* отличается от преобразования феодального общества в буржуазное. И именно это качественное отличие выражается качественно различными функциями в революции, выполняемыми государством, буржуазным и пролетарским, причем пролетарское государство, как говорит Энгельс, «уже больше не является государством в собственном смысле слова»; оно выражается наиболее отчетливо в качественно отличных отношениях между политикой и экономикой. Об этой противоположности ярко свидетельствует уже осознанность роли государства в пролетарской революции вразрез с его идеологической маскировкой в буржуазных революциях, предусмотрительная и преобразующая сознательность пролетариата вразрез с познанием буржуазии, которое в силу необходимости проходит *post festum*. Этого не учитывает Роза Люксембург, критикуя замену Учредительного собрания Советами: *она представляет себе пролетарскую революцию в структурных формах буржуазных революций.*

5.

Такое резкое противопоставление «органической» и диалектико-революционной оценки ситуации может помочь нам еще глубже проникнуть в ход мыслей Розы Люксембург применительно к проблеме роли партии в революции. И тем самым – прояснить ее позицию в отношении большевистской концепции партии, ее тактических и организационных последствий.

Разногласия между Лениным и Люксембург уходят своими корнями довольно далеко в прошлое. Как известно, Роза Люксембург во время первых организационных столкновений между меньшевиками и большевиками выступила против последних. Но ее расхождение с большевиками было не политическим-тактическим, а чисто организационным. Почти по всем вопросам тактики

(массовые стачки, оценка революции 1905 года, империализм, борьба против будущей мировой войны и т.д.) Роза Люксембург и большевики всегда шли общим путем. Так, в Штуттгарте она была представительницей большевиков именно по вопросу резолюции о войне, имевшей решающее значение. Тем не менее это расхождение является намного менее эпизодическим, чем могло бы показаться в свете столь многих политико-тактических совпадений; с другой стороны, неправильно было бы, исходя из этого, делать вывод о том, что пути Розы Люксембург и большевиков полностью разошлись. Конкретно Ленин и Роза Люксембург по-разному подходили к вопросу о том, является ли борьба против оппортунизма, в признании которой они были политически и принципиально едины, *духовной борьбой в рамках* революционной партии пролетариата, или же эта борьба должна получить разрешение на попрание *организации*? Роза Люксембург выступала против последней точки зрения. Во-первых, потому, что она считала преувеличенной ту центральную роль, какую приписывали большевики вопросам организации как гаранта революционного духа в рабочем движении. Она придерживалась противоположного воззрения, в соответствии с которым действительно революционный принцип надо видеть исключительно в элементарной стихийности массы. По отношению к ней центральные партийные организации всегда выполняют консервативную, сдерживающую функцию.

Она полагала, что при проведенной на деле централизации лишь возрастает «раздвоение между атакующей массой и колеблющейся социал-демократией»⁹. Во-вторых, она трактует саму форму организации как нечто органичное, а не как нечто «сделанное». «В социал-демократическом движении организация <...> тоже является историческим продуктом классовой борьбы, в которую социал-демократия лишь вносит политическую сознательность»¹⁰. И эта концепция опять-таки опирается на ее *совокупное представление о предстоящем ходе революционного движения*, с практическими следствиями которой мы уже столкнулись при критике Розой Люксембург большевистской аграрной реформы и лозунга о праве нации на самоопределение. Она говорит: «Положение о том, что социал-демократия является представительницей всех прогрессивных интересов общества и всех угнетенных жертв буржуазной общественной системы, нельзя истолковывать только в том смысле, что в программе социал-демократии обобщены все эти интересы. Это положение становится истиной, когда воплощается в историческом процессе развития, благодаря которому социал-демократия также как *политическая партия* все больше и больше становится прибежищем различных недовольных элементов, действительно становится партией народа против мизерного меньшинства господствующей буржуазии»¹¹. Отсюда ясно, что, по мнению Розы Люксембург, исподволь «органически» возникают фронты революции и контрреволюции (еще до того, как становится актуальной сама революция), и что *партия становится организационным сборным пунктом всех слоев, приведенных в движение ходом развития и противопоставленных буржуазии*. Главное состоит лишь в том, чтобы при этом не была разжижена, не приняла мещанского характера идея классовой

борьбы. Здесь может и должна помочь организационная централизация. Но только в том смысле, что она «выступает лишь как внешнее средство воздействия, нужное для оказания руководящего влияния со стороны фактически наличного революционного пролетарского большинства партии»¹².

Следовательно, Роза Люксембург, с одной стороны, исходит из того, что рабочий класс будет выступать в революции как сплоченный, объединенно-революционный класс, не зараженный демократическими иллюзиями буржуазного общества и не совлекаемый на ложные пути¹³; с другой стороны, она, по-видимому, предполагает, что мелкобуржуазные слои буржуазного общества, социальному существованию которых смертельно угрожает революционное обострение экономического положения, будут объединяться с борющимся пролетариатом также в партийном смысле, также организационно. Если это предположение правильно, то отсюда очевидным образом следует отказ от большевистской концепции партии, политической основой которой является осознание того, что пролетариат должен проводить революцию хотя и в союзе, но не в организационном единстве с другими выступающими против буржуазии слоями и что при этом он неизбежно вступает *в противоречие с известными пролетарскими слоями*, которые борются на стороне буржуазии против революционного пролетариата. Не следует забывать, что причиной первого разрыва с меньшевиками был не только вопрос о партийном уставе, но также проблема союза с «прогрессивной» буржуазной (практически это, между прочим, было равносильно тому, чтобы оставить на произвол судьбы революционное крестьянское движение), проблема коалиции с ней для проведения и закрепления буржуазной революции.

Здесь проясняется, почему Роза Люксембург, во всех политическо-тактических вопросах шедшая вместе с большевиками против оппортунистических противников, всегда бывшая не только самым настойчивым и ярким, но и также самым глубоким и радикальным разоблачителем всякого оппортунизма, должна была пойти иным путем *при оценке опасности оппортунизма и тем самым — при определении методов борьбы с ним*. Ибо если борьба против оппортунизма истолковывается исключительно как духовная борьба внутри партии, то ее, разумеется, надо проводить таким образом, чтобы центр тяжести приходился на убеждение сторонников оппортунистов, на достижение большинства внутри партии. Естественно, что вследствие этого борьба с оппортунизмом распадается на ряд изолированных отдельных схваток, в которых вчерашний союзник может стать сегодняшним противником и наоборот. Борьба против оппортунизма как направления при этом вообще не может выкристаллизоваться: сфера «духовных битв» изменяется от вопроса к вопросу, и вместе с ней изменяется состав борющихся групп. (Каутский в борьбе против Бернштейна и в дебатах о массовой стачке; Паннекук в этих дебатах и в споре по вопросу о накоплении; поведение Ленша в этом вопросе и во время войны и т.д.). Конечно, этот неорганизованный процесс не способен был полностью воспрепятствовать возникновению правого, центристского и левого крыла так-

же и в партиях вне России. Однако чисто случайный характер таких объединений затруднил разработку этих противоречий, их духовное и организационное (а стало быть, и партийное) прояснение и поэтому неизбежно должен был привести к созданию совершенно ложных группировок, которые становились, когда они достигали какого-то организационного упрочения, важными помехами прояснению сознания рабочего класса. (Штрёбель в группе «Интернационал»; «пацифизм» как момент отделения от правых, Бернштейн в НСПГ; Сerratи в Циммервальде, Клара Цеткин на международной Женевской конференции). Ввиду того, что в Центральной и Западной Европе партийный аппарат большей частью находился в руках правых или центристов, эти опасности еще более усугубились, так как неорганизованная, чисто духовная борьба против оппортунизма очень легко и часто становилась борьбой против партийной формы движения вообще (Паннекук, Рюле и т.д.).

Конечно, во время и непосредственно после первых дебатов между Лениным и Люксембург эти опасности еще не вырисовались достаточно отчетливо, по крайней мере – для тех, кто был не в состоянии критически переработать опыт первой русской революции. Но что Роза Люксембург, принадлежавшая к числу лучших знатоков как раз русских отношений, по существу приняла здесь точку зрения левых вне России, рекрутировавшихся главным образом из того радикального слоя рабочего движения, который не располагал никаким практическим революционным опытом, – это может быть понятно лишь исходя из ее «совокупной органической концепции». Изложенное выше объясняет, почему в ходе своего, в других отношениях мастерского, анализа массового стачечного движения в первую русскую революцию она вообще не говорит о роли меньшевиков в политических событиях этих лет. При этом она всегда ясно видела политико-тактические опасности всякого оппортунистического поведения и яростно боролась с ним. Однако она придерживалась того мнения, что подобные колебания вправо должны исправляться и будут исправляться «органическим» развитием рабочего движения, до известной степени спонтанно. Поэтому она завершает свою полемическую статью против Ленина такими словами: «Наконец, давайте же открыто признаем в своем кругу: ложные шаги, которые допускает реальное рабочее движение, исторически являются несоизмеримо более плодотворными и ценными, нежели непогрешимость самого лучшего «Центрального Комитета»¹⁴.

6.

Когда разразилась мировая война, когда стала актуальной война гражданская, этот некогда «теоретический» вопрос стал вопросом жгуче-практическим. *Проблема организации превратилась в тактико-политическую проблему.* Проблема меньшевизма стала судьбоносным вопросом пролетарской революции. Безоговорочную победу империалистической буржуазии над всем II Интернационалом по вопросам мобилизации в 1914 году и полученную ею

возможность развивать и закреплять эту свою победу во время мировой войны нельзя и невозможно рассматривать и оценивать как «несчастье» или как простое следствие «предательства» и т.д. И когда революционное рабочее движение стремилось оправиться от этого поражения, сделать его основой будущих победоносных битв, повелительной необходимостью становилось постижением этого провала, этого «предательства» во взаимосвязи истории рабочего движения: надо было понять социал-шовинизм, пацифизм и т.д. как последовательное продолжение оппортунистического течения.

Осознание этого было одним из неувядающих главных достижений Ленина во время мировой войны. И его критика брошюры Юниуса метит именно в этот пункт – в недостаточное размежевание с оппортунизмом как течением. Конечно, брошюра Юниуса и до нее «Интернационал» содержали в себе много теоретически правильной полемики с правыми предателями и колеблющимися центристами в немецком рабочем движении. Но эта полемика оставалась теоретическо-практической, не переходила в организационный план, поскольку она все еще одушевлялась верой в то, что речь идет лишь о «различии мнений» внутри революционной партии пролетариата. Правда, организационным требованием приложенных к брошюре Юниуса тезисов является основание нового Интернационала (тезисы 10-12). Однако далее это требование повисало в воздухе: отсутствовали духовные и вместе с тем организационные пути его осуществления.

Здесь проблема организации превращается в политическую проблему для всего революционного пролетариата. Крах всех рабочих партий, вызванный войной, следует понять как всемирно-исторический факт, то есть как необходимое следствие предшествующей истории рабочего движения. Тот факт, что влиятельный руководящий слой в рабочих партиях, почти без исключения, открыто встает на сторону буржуазии, а другую его часть связывает с ней тайный, публично не признаваемый союз, и что для обеих этих частей оказывается духовно и организационно возможным при всем этом сохранять свое руководство над решающими слоями пролетариата, – этот факт надо сделать исходным пунктом оценки положения и задач революционной рабочей партии. Нужно ясно осознать то, что при постепенно формирующихся двух фронтах гражданской войны пролетариат поначалу будет вступать в борьбу расколотым и внутренне раздвоенным. Эта раздвоенность не может быть устранена дискуссиями. Было бы напрасной надеждой рассчитывать, что эти руководящие слои можно будет тоже постепенно «убедить» в правильности революционных воззрений, что, стало быть, рабочее движение сможет восстановить свое – революционное – единство «органически», «изнутри». Возникает проблема: каким образом можно вырвать из-под этого руководства ту огромную массу пролетариата, которая инстинктивно является революционной, но еще не обрела ясного сознания. Ясно, что как раз «органически-теоретический» характер размежевания с меньшевиками дольше всего позволяет им наиболее удобным для них образом скрывать от пролетариата тот факт, что в решающий час они выступают на стороне буржуазии. Несмотря на сохраняющуюся и объективно

обостряющуюся революционную ситуацию в целом, невозможно думать о гражданской войне до тех пор, пока та часть пролетариата, которая спонтанно выступает против такого поведения своих вождей и мечтает о революционном руководстве, *не сплотится организационно*, пока возникшим этим путем действительно революционным партиям и группам не удастся посредством своих действий (для которых непременно необходимой является *собственная революционная партийная организация*) завоевать доверие широких масс и вырвать их из-под влияния оппортунистов.

А мировая ситуация объективно продолжает оставаться революционной и революционизируется во все большей мере. Именно Роза Люксембург в своей, к величайшему ущербу для революционного движения еще недостаточно известной и оцененной, классической книге «Накопление капитала» создала теоретическую основу для познания объективно-революционной сути ситуации. Именно раскрытие ею того обстоятельства, что развитие капитализма означает разложение и тех слоев, которые не являются ни капиталистами, ни рабочими, *составляет социально-экономическую теорию, необходимую для выработки революционной тактики большевиков в отношении непролетарских слоев трудящихся*. Она показывает, что с приближением развития к тому пункту, в котором капитализм достигает своего завершения, этот процесс разложения должен принимать все более острые формы. Все более широкие слои откалываются от внешне еще прочного здания буржуазного общества, вносят сумятицу в ряды буржуазии, инициируют движения, которые (не будучи сами по себе сориентированными на социализм) самой энергией своей атаки способны весьма ускорить создание предпосылки социализма – низвержение буржуазии. В этой ситуации, которая все сильнее разлагает буржуазное общество, которая толкает пролетариат, хочет он того или не хочет, к революции, *меньшевики открыто или тайно перешли в лагерь буржуазии*; они защищают позиции, враждебные революционному пролетариату и другим инстинктивно возмущенным слоям (или народам). С осознанием этого *рушится в самой себе концепция Розы Люксембург относительно хода революции*, которая последовательно строилась на ее оппозиции к организационной форме большевистской партии. Необходимые выводы из такого осознания, для которых Роза Люксембург сама дала в «Накоплении капитала» глубочайший экономический фундамент и от ясной формулировки которых (как на это и указывал Ленин) ее отделял в некоторых местах брошюры Юниуса лишь один шаг; она, однако, не сделала в своей критике русской революции. По-видимому, и в 1918 году, даже после испытаний первого этапа революции в России, она все еще занимала в отношении проблемы меньшевизма свою старую позицию.

7.

Этим объясняется защита ею от большевиков «права на свободу»: «Свобода, – заявляет она, – это всегда свобода инакомыслящего» (S. 109); то есть

свобода для других «течений», в рабочем движении, для меньшевиков и эсеров. Ясно, что Роза Люксембург никогда не скатывалась к банальной защите демократии вообще. Ее установка, напротив, также в этом пункте является лишь логическим следствием ее ложной оценки группировки сил в развернувшейся революции. Ибо установка революционера в отношении так называемой проблемы свободы в эпоху диктатуры пролетариата зависит, в конечном счете, от того, *рассматривает ли он меньшевиков как врагов революции или как «течение» революционеров*, которые в отдельных тактических, организационных и т.д. вопросах придерживаются «другого мнения». Под всем, что пишет Роза Люксембург о необходимости критики, о публичном контроле, подпишется каждый большевик, Ленин прежде всего, как об этом и говорит сама Роза Люксембург. Вся суть лишь в том, как все это осуществить, *как придать «свободе» (и всему, что с нею связано) революционную, а не контрреволюционную функцию*. Отто Бауэр, один из самых умных противников большевиков, довольно ясно распознал эту проблему. Он выступает против «недемократической» сути большевистского государственного устройства не только с абстрактными естественно-правовыми доводами в духе Каутского, но с тем аргументом, что Советская система, которая при наличии реального соотношения классовых сил в России затрудняет отстаивание своих интересов крестьянством, прицепляет крестьян к политическому локомотиву пролетариата. И тем самым он против своей воли свидетельствует в пользу революционного характера большевистского «подавления свободы».

Преувеличение органичного характера революционного развития свергает здесь Розу Люксембург в разительное противоречие с собой, как это имело место уже в Программе «Спартака», которая составила теоретическую основу для центристских мудствований о различиях между «террором» и «насилием», для отрицания первого при принятии второго; а в своей брошюре Роза Люксембург уже выдвигает лозунг о противопоставлении в духе голландских коммунистов диктатуры партии и диктатуры класса (S. 115). Конечно, когда два человека делают одно и то же (и особенно, когда два человека говорят одно и то же), это не есть одно и то же. Но Роза Люксембург тоже попадает здесь, — и как раз из-за того, что отходит от понимания действительной структуры противоборствующих сил, — в опасную близость к призрачным утопическим ожиданиям, к предвосхищению позднейших фаз развития, которые затем стали роковыми для приведенных выше лозунгов. Этот рок, к счастью, не коснулся ее, ибо оборвалась, ее, к сожалению, столь краткая практическая деятельность в революции.

Диалектическое противоречие социал-демократического движения, говорит Роза Люксембург в своей статье против Ленина, состоит именно в том, что «здесь в первый раз за всю историю народные массы самостоятельно и вопреки всем господствующим классам должны реализовать свою волю, которая уводит их за пределы современного общества, но, с другой стороны, эту волю массы способны вырабатывать лишь в повседневной борьбе с существующей системой, то есть только в ее рамках. Соединение широких народных масс с

целью, выходящей за существующую систему в целом, повседневной борьбы с революционным переворотом – это и есть *диалектическое противоречие* социал-демократического движения <...>¹⁵. Это диалектическое противоречие никоим образом не сглаживается в эпоху диктатуры пролетариата. Изменяется лишь материя его составляющих, современные рамки деятельности и «потусторонность». Именно проблема свободы и демократии, которая во время борьбы в рамках буржуазного общества казалась простой, поскольку каждая пядь завоеванного свободного пространства была *вырванной у буржуазии пядью*, претерпевает теперь *диалектическое обострение*. Ведь фактическое отвоевание «свобод» у буржуазии тоже не идет по прямой, хотя, конечно, тактическая линия целеполагания пролетариата была восходящей прямой. Но теперь должна измениться и эта установка.

Ленин говорит о том, что развитие вперед капиталистической демократии «не идет просто, прямо и гладко, к все большей и большей демократии»¹⁶. Этого не может быть, поскольку социальная сущность революционного периода состоит именно в том, что вследствие экономического кризиса, переживаемого как разлагающимся капитализмом, так и нарождающимся пролетарским обществом, постоянно, резко и насильственно изменяется классовое расслоение. *Вот почему постоянная перегруппировка революционных сил представляет собой жизненный вопрос революции*. В интересах дальнейшего развития революции необходимо *всеми средствами и при всех обстоятельствах удерживать господствующую власть в руках пролетариата*, ясно понимая, что совокупное положение мирового хозяйства рано или поздно должно подтолкнуть пролетариат к революции в мировом масштабе, которая только и сможет действительно осуществить экономические мероприятия в духе социализма. Победоносный пролетариат при этом не может заранее определять догматическим образом ни свою экономическую, ни свою идеологическую политику. Подобно тому как в своей экономической политике (социализация, концессии и т.д.) он должен свободно маневрировать в зависимости от классовых сдвигов, в зависимости от возможности и необходимости завоевывать определенные слои трудящихся на сторону диктатуры пролетариата или, по крайней мере, обеспечивать их нейтралитет по отношению к ней, точно так же невозможно заранее определиться в комплексе вопросов, связанных со свободой. Формы и степень «свободы» зависят в период диктатуры от состояния классовой борьбы, от силы врага, от интенсивности угрозы диктатуре, от требований завоевываемых на сторону диктатуры, от зрелости союзнических с пролетариатом и находящихся под его влиянием слоев. Свобода столь же мало, как и социализация, может быть самоценной. *Она должна служить господству пролетариата, а не наоборот*. К совершению этих, часто весьма неожиданных изменений позиций, оказалась способной лишь такая революционная партия, как большевистская; лишь она имела достаточно гибкости, маневренности и непредвзятости в оценке фактически действующих сил, чтобы через Брест-Литовск, через военный коммунизм времен жесточайшей гражданской войны продвинуться к

новой экономической политике, а от нее (при новом изменении соотношений сил) к другим группировкам сил – и при этом постоянно сохранять в неприкосновенности самое существенное – господство пролетариата.

В этом потоке явлений, однако, сохранился один устойчивый полюс: контрреволюционная позиция других «течений рабочего движения». От Корнилова к Кронштадту тут идет прямая линия. Их «критика» диктатуры – это, следовательно, совсем не самокритика пролетариата, возможности которой должны институционально обеспечиваться также во время диктатуры, это – тенденция разложения, которая служит интересам буржуазии. К ним, следовательно, можно отнести слова Энгельса в письме к Бебелю: «Пока пролетариат еще *нуждается* в государстве, он нуждается в нем не в интересах свободы, а в интересах подавления своих противников»¹⁷. И что Роза Люксембург в ходе немецкой революции изменила проанализированные здесь воззрения, связано, конечно, с тем, что немногие месяцы самого интенсивного и деятельного сопереживания развернувшейся революции, которое выпало на ее долю, убедили ее в ложности прежней концепции революции. И в первую очередь – в ложности ее взгляда на роль оппортунизма, на способы борьбы против него и поэтому – на построение и функции самой революционной партии.

Январь 1922 года.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Rosa Luxemburg. Die russische Revolution. – Verlag: Gesellschaft und Erziehung, 1922. – Роза Люксембург. Русская революция // Роза Люксембург. О социализме и русской революции. Избранные статьи, речи, письма. – М.: Политиздат, 1991 (в сокращении).

² Leitsätze über die Aufgaben der internationalen Sozialdemokratie. These 5. – Futurus Verlag. – S. 105.

³ Luxemburg R. Soziale Reform oder Revolution? Vulkanverlag. – S. 21.

⁴ Bericht ueber den Gruendungsparteitag der KPD. – S. 53.

⁵ Luxemburg R. Soziale Reform oder Revolution? – S. 47.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. – С. 19.

⁷ Там же. Т. 37. – С. 417.

⁸ Зиновьев Г., Ленин Н. Против течения. 3-е изд. – М.-Пг., 1923. – С. 423. – В.И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 30. – С. 51.

⁹ Neue Zeit XXII, 2. Bd. – S. 491.

¹⁰ Ebd. – S. 486. (Курсив мой – Г.Л.)

¹¹ Ebd. – S. 533-534.

¹² Ebd. – S. 534.

¹³ Rosa Luxemburg. Massenstreik. 2-te Auflage. – S. 51.

¹⁴ Neue Zeit XXII. 2. Bd. – S. 535.

¹⁵ Neue Zeit XXII. 2. Bd. – S. 534.

¹⁶ В.И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 33. – С. 88.

¹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. – С. 5.